А. С. КОЛЕСНИКОВ

Философия Бертрана Рассела

<Фрагмент>

Книга Рассела «Человеческое познание. Его сфера и границы» (1945) многими исследователями вполне заслуженно считается произведением, отразившим, как в компендиуме, многие результаты философской эволюции мыслителя, решение проблем, связанных с логикой и математикой, критикой концепций Брэдли, Шиллера, Дьюи. Здесь продолжаются темы исследования, поднятые еще в его ранних работах и продолженные затем в многочисленных книгах и эссе, одно из которых, а именно «Физика и опыт» (1945), было представлено в этой книге с незначительными поправками. Книга демонстрировала «теоретическое отрезвление» и противоречие с его некоторыми субъективно-идеалистическими взглядами. Райл считал, что Рассел привнес философское размышление в широкий круг читателей, которые вряд ли приступили бы к изучению «Критики чистого разума» Канта или «Феноменологии духа» Гегеля.

Пытаясь дойти до массового читателя, Рассел стремится дать всеобъемлющие ответы на проблемы познания, исходя из своего представления картины мира и данных современной ему науки, философии естествознания, продуманных историко-философских экскурсов. Предваряя многие недоуменные вопросы относительно различных толкований в этой работе целого ряда проблем, Рассел предлагает читателям применить следующий принцип: «Пророк сказал, что, если два текста Корана оказываются несовместимыми, последний должен рассматриваться как наиболее авторитетный»[*]. Итак, следуя этому указанию, мы будем апеллировать за доказательствами к философской автобиографии Рассела, написанной им десятилетием позже.

---

[*] *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957. С. 30.

Главной целью названной книги является «исследование отношения между индивидуальным опытом и общим составом научного знания». Рассел проводит исследование природы человеческого познания в духе Локка, Юма и «научного здравого смысла», стремится отгородиться от скептицизма, солипсизма, субъективизма в описании внешнего мира. Оправдывая научные выводы, лежащие вне дедуктивной логики, он предлагает некую взаимосвязь между различными явлениями, якобы традиционно и неоправданно приписываемую принципу причинности или естественному закону, поскольку основные выводы науки в противоположность выводам логики и математики являются только вероятными.

По Расселу, индуктивные выводы, если они ограничены здравым смыслом (недостатки которого легко почувствовать, но очень трудно сформулировать), ведут к выводам чаще ложным, чем истинным. Сущность ненаглядного (рационального) вывода дарует только вероятность, утверждает он вслед за Лейбницем и Джевонсом. Положительное знание, добываемое им, «плавало, подобно плоту, по огромному океану неопределенности»*. Рассел изучает исчисление вероятностей и приходит к выводу о том, что статистическая вероятность, с которой имело дело математическое исчисление в виде «частотной» теории, не подходит к эмпирическому материалу. Он принимает логическую (индуктивную) интерпретацию, разработанную Дж. Кейнсом в его «Трактате о вероятности» (1921). Основываясь на идее Лейбница о вероятности как особом типе логики, Кейнс рассматривает саму вероятность как некое *логическое и объективное отношение* между высказываниями. Исходя из известных посылок, мы можем приписать заключениям некоторый уровень вероятности, который располагается между достоверностью и невозможностью. Наивысшая ее степень отвечает дедуктивным умозаключениям. Кейнс определил вероятность не совсем удачно как «рациональную степень веры». У Рассела это звучит так: между двумя суждениями есть отношение, заключающееся в факте, что один из них делает другое вероятным в большей или меньшей степени; это отношение неопределимое и допускает изменение степеней. Таким образом, он заменяет теорию Кейнса «степенью правдоподобия», или «степенью сомнительности» (напоминающей «степень вероятности» Лейбница), которая для Рассела более важна, чем математическая вероятность.

Рассел выступает против субъективного предубеждения относительно ненаглядного вывода (осознавая вслед за Ньютоном недемонстративный характер индукции), пытается исправить ряд оши-

* *Russell B.* My Philosophical Development. London, 1959. P. 191.

бок, связанных с опытным познанием, и отстаивает дедуктивное, или «метафизическое», обоснование индукции.

Воспроизводя в методологии науки дилемму индуктивизм — дедуктивизм, Рассел исходит из общих для них допущений: 1) представления о научном знании как необходимо-истинном и 2) возможности дать адекватное объяснение процесса научного познания, основываясь только на внутритеоретических, внутринаучных фактах. Подчеркивая роль эмпирического опыта, он объясняет природу и процесс развития научного знания, не выходя за пределы самого знания, не объясняя материалистически его природу и сущность, не раскрывая социально-историческую обусловленность процесса научного познания.

При решении вопроса достоверного познания внешнего мира он подразделяет эмпирическое познание на три стадии: 1) знание о себе, солипсизм как теория приемлем как «солипсизм момента». Он ограничен и выражен словами: «Я не знаю, существует ли физический мир или имеются другие умы, кроме моего собственного»; 2) знания, которые мы принимаем на основе свидетельств других людей и признания их существования, присущи здравому смыслу, основываются на прежнем опыте и аналогии, не являются наглядными и служат оправданием определенной степени сомнительности знания; 3) знание физического мира связано с общими законами, в основе которых лежат вероятностные или проявляющиеся в тенденции *причинные законы*. Они важны как в связи с восприятием, так и в связи с устойчивостью материальных объектов. Так, обозначая нечто постоянное как «вещь», мы должны иметь в виду, что она состоит из серии групп случаев, каждая из которых характеризуется моментальным состоянием «вещи». Эти состояния связаны посредством законов. Все перечисленные виды постоянства (фотон, атом, молекула) неустойчивы, и причинные законы, лежащие в основе науки, изучают только приближенные значения того, что случается.

Последовательность серии событий называется Расселом *«причинной линией»*, которая служит здравому смыслу в сохранении понятия устойчивости физических объектов. Важна для ненаглядного вывода и концепция *структуры,* призванная показать, что пространственно-временная структура остается постоянной на всем протяжении серий причинно-связанных событий, хотя и не гарантирует, что составляющие ее свойства несут какое-то внутреннее сходство со свойствами, которые мы знаем в чувственном опыте. Согласно Расселу, все в мире имеет структуру: предложения, человек, звук, пространство и время, молекулы и атомы, сам мир. Науки, изучающие эти структуры, не идут далее простейших частиц. Физические сущности разлагаются на структуры событий. Событие —

законченная совокупность сосуществующих качеств, т. е. непосредственных восприятий.

Теория «комплексов сосуществующих качеств» и структуры помогает Расселу свести все объективные процессы мира к ощущениям. А. Эддингтон в «Философии физической науки» (1949) прямо указывает, что понятие «структуры» «является бегством от дуализма» в философии Рассела. Чтобы окончательно избежать ошибок эмпиризма, Рассел в системе всей информации выделяет «ядро данных» — «мои данные», которые не могут быть вымышленными или иллюзорными и отличны от веры. Поскольку «мои данные» являются событиями с определенной структурой, обеспечивающей некую постоянную сосуществующую совокупность качеств, случающихся со мной, мы можем на их основе сделать вывод, обладающий априорной вероятностью, относительно фактов, находящихся вне моего опыта, вне опыта человека вообще. Вывод делается на основе определенных закономерностей и принципов.

Сложность понимания позиции Рассела в том, что он сочетает вульгарный материализм и бихевиоризм (отождествление психического с физиологическим) с психофизическим параллелизмом и дуализмом (абсолютизация качественного отличия физического и психического). Возрождая *каузальную теорию восприятия* Юма (ее развивают Г. Брэйн, Дж. Смитс, А. Н. Уайтхед и др.), Рассел положил начало попыткам доказать отсутствие сходства между причиной (объектом) и следствием (ощущением). У него связь между объектом и чувственными данными опосредована «длинной цепью причинности»: световые лучи или звуковые волны, информационные процессы с различными этапами преобразования сигналов, наконец, чувственные данные (ощущения, восприятия, представления). В результате преобразований, усложненных языком, возникает принципиальное отличие действительного объекта от его восприятия. Формально не отрицается существование материи, не опровергается и факт, что наши ощущения причинно обусловлены воздействием предметов внешнего мира. В конечном счете каузальная теория отвергает подтвержденное общественно-исторической практикой основное положение материалистической теории познания, признающее ощущения приблизительно верным отражением материального мира. Чувственные данные и объект абсолютно различны. Наши восприятия зависят от состояния воспринимающего субъекта и «наверняка представляют собой не то, что имеется в физических объектах». На этом основании мир делится Расселом на *частный* и *общий,* мир чувственных данных и мир, логически конструируемый из чувственных данных, мир физики. Это деление чувственного и материального является половинчатым, поэтому чувственные данные оказыва-

ются не отражением объективной вещи, а порождением чувственной организации субъекта, это как бы своеобразное состояние его мозга.

Результаты перцепции находятся в наших головах, ибо развертываются в конце каузальной цепи физических явлений, ведущих пространственно линию от объекта к мозгу воспринимающего. Чувственные данные выступают в качестве *знаков,* посредством которых можно судить о существовании внешнего мира.

Философская мысль на протяжении многих эпох ставила вопрос о сходстве чувственных восприятий у разных людей. Неопозитивисты рассматривали чувственные впечатления как единственно достоверную реальность, «элементы мира». С таких позиций абстрактное мышление неправомерно сводится к установлению логических связей между ощущениями и восприятиями, к «конструированию» мира науки из чувственных данных. Рассел считает, что поскольку физические объекты здравого смысла и науки считаются логическими конструкциями из событий, каждое из которых является логически самостоятельной сущностью, мы из одного события не можем делать заключение о каком-либо другом событии или группе событий. Для этого необходимы «минимальные принципы», оправдывающие научные выводы, которые должны констатировать что-то о мире, как и «априорные основоположения» Канта, выступающие в качестве фундаментальных законов самой науки.

Другими словами, Рассел, как в свое время и Кант, стремится исследовать механизм перехода от чувственной ступени познания к понятийному мышлению. Выступая против крайностей номинализма, солипсизма и идеалистического реализма платоновского толка, он предпринимает (в который уже раз) попытки устранить противоречие между положениями, утверждающими, с одной стороны, что единственным источником наших знаний о мире являются данные чувственного опыта и, с другой стороны, что в наших знаниях содержатся сведения о невоспринимавшихся объектах, выходящих за пределы чувственного опыта. Выход из создавшегося положения он видит в введении некоего надежного принципа индукции, который помог бы «соединить» чувственные данные и знания о ненаблюдаемых объектах. Вначале он надеялся на помощь интуиции и инстинкта. Однако не найдя возможности вскрыть природу выдвинутого им надежного принципа индукции, он ограничивается лишь перечислением ряда постулатов, которые лежат якобы в основе процесса познания и не являются ни эмпирическими, ни логическими. Эти принципы в сочетании с опытом должны были помочь оправдать знание невоспринимаемых объектов. Странность введения данных постулатов (Рассел ничего не говорит о их происхождении, природе, количестве и правилах употребления) и внезапность

их появления А. Ф. Бегиашвили объясняет необходимостью философа выйти из появившихся затруднений. Не отрицая этих фактов, отметим, что они были обозначены им еще в работах «Проблемы философии», «Наше познание внешнего мира» и «Анализ материи» как *логическое* продолжение его философских взглядов, эмпирико-индуктивное обобщение, выражающее «картину мира». Эти принципы (постулаты) основывались на инстинктивной вере людей в существование причинной связи, определенного постоянства объектов, структурного сходства, веры в аналогии и пространственно-временную непрерывность. Они выражают не вечное и неизменное, а *вероятное знание,* что также выявляет связь с философией Юма и Канта, Мура и неореализма в целом. Рассел даже показывает, как пространственно-количественная неопределенность материального предмета соединяется с его качественной неопределенностью, подменяя таким образом объективное содержание принципа неопределенности вероятностью.

Кроме того, необходимо отметить, что концепция аналитичности (формальности) истин логики и математики у Рассела и неопозитивизма была попыткой дать ответ на реальную проблему своеобразия математики и логики, ибо они выполняют строгие формальные правила преобразования знаково-символических форм выражения знания. Рассел в «Анализе материи» и окончательно в «Человеческом познании» приходит к точке зрения, согласно которой в конечном счете «законы логики» и уравнения математики детерминированы содержательными *онтологическими постулатами,* лежащими в основе теоретической системы.

Таких принципов, или постулатов, Рассел насчитывает пять. Он не придает особого значения их точной формулировке; их число может быть уменьшено, они не все необходимы, но все являются достаточными, каждый из них оправдывает рациональное ожидание и обладает разумным правдоподобием. Первый «постулат квазипостоянства» заменяет в некотором смысле первый закон движения Ньютона. В силу этого постулата здравый смысл в состоянии оперировать более или менее успешно понятиями «личность» и «вещь» без употребления понятия «субстанция». И наоборот, именно на основании данного постулата наука и философия длительное время использовали понятие о субстанции. Объективный аспект постулата состоит в наличии реальной, но относительной устойчивости самих вещей и их свойств, физической и психологической непрерывности событий и их связи. Субъективный аспект заключается не только в психологической непрерывности, но и в обобщающем характере познания: анализ события должен выразить связь, сходные свойства и реальную непрерывность в физическом событии.

Второй «постулат независимых причинных линий» — «возможно наиболее важный из всех пяти» — «дает нам право из частичного знания делать частичный вероятный вывод» о том, что будет нечто случаться во Вселенной. Данный постулат имеет под собой объективное основание — «отношение причины и действия». Рассел признает сложность причинного действия и его изменения, отмечает необходимость научного анализа конкретных видов причинных связей, как и определенность различных «причинных линий» связи. «Причинные линии» известны нам уже из «Анализа материи», их суть здесь не изменилась.

Третий «постулат пространственно-временной непрерывности» предполагает причинные линии, отрицает действие на расстоянии и гласит, что когда имеется каузальная связь между несмежными событиями, здесь будет обнаруживаться существование промежуточных звеньев в цепи, которые позволяют нам верить, что физические объекты существуют и тогда, когда они не воспринимаются.

Четвертый «структурный постулат» Рассел называет «самым важным и очень плодотворным». Он касается установления вероятной причинной связи различных, но во многом сходных событий, как главной причиной или главным фактором, определяющим эти события. Эта связь требует только сходства друг с другом (событий) в абстрактных свойствах их пространственно-временной структуры, важность которой была подчеркнута Расселом еще в «Анализе материи».

Пятый принцип — «постулат аналогии» — должен показать рациональное значение аналогии как метода познания, когда используются причинные связи явлений и косвенные связи их, не воспринимаемые в непосредственном созерцании.

Оценка постулатов в литературе противоречива по форме, но единодушна по содержанию. Постараемся сопоставить его собственную оценку с отзывами некоторых зарубежных авторов и советских философов. Рассел считает, что все постулаты подтверждались тем фактом, что они подразумевались в обоснованных выводах, хотя они и не могут быть доказаны в каком-либо формальном смысле, поскольку, по его словам, вся система науки и повседневное познание, из которого они были извлечены, являются до известной степени самоподтверждающимися. Выступая против теории когеренции истины, философ принимает теорию когеренции вероятности, основу которой могут образовать пять вышеизложенных принципов. Данные постулаты предназначены для оправдания первых шагов в науке и обыденного здравого смысла и показывают, по Расселу, что предпосылки теории познания всегда отличаются от предпосылок логики.

Расселовы постулаты не могут быть открыты в опыте или почерпнуты из него. Но он предпринял попытку отграничиться от априоризма Канта, подчеркивая, что постулаты носят гипотетический характер, и даже утверждая, что их принятие в большей степени является «вопросом темперамента». Рассел стремится связать постулаты с так называемыми «животными выводами», т. е. в духе Юма — Спенсера представить их как высшую степень биологически полезных «инстинктивных животных верований» в существовании относительно постоянных, пространственно-временных вещей, находящихся в каузальной связи. Однако даже с помощью данных постулатов мы, по мнению Рассела, можем познать только структуру материальных вещей, но не можем ничего сказать об их внутренней природе и их собственных качествах. Философ рассматривает развитие человеческого познания как выработку все более совершенных привычек, которые ведут «к истинным ожиданиям», на основании индуктивного обобщения «личного прошлого и настоящего опыта». В конечном счете он предлагает некий мир непрерывностей и групп событий, некую гипотезу, совместимую с опытными заключениями науки, эпистемологической необходимостью постулатов и необходимой структурой языка.

Постулаты взаимосвязаны с проблемой индукции и вероятности. При эмпирической интерпретации вероятности фактуальные допущения, положенные в основу индукции, имеют вероятностный характер. Примером подобного отношения к допущениям является теория Рассела, в которой вероятность интерпретируется эмпирически как относительная частота в конечной последовательности испытаний. Признавая индуктивные заключения вероятно истинными, утверждается, что они выполняются в большинстве случаев. Для подтверждения вероятности такого рода и были сформулированы постулаты в терминах относительной частоты, которые вместе с эмпирическим свидетельством должны были гарантировать неопровержимость индуктивных заключений. Постулаты не должны покоиться на метафизических основаниях и не рассматриваются в качестве твердо установленных материальных гипотез. Рассел расценивал их как посылки, в которые *мы должны верить,* если наша вера в научные выводы должна быть оправдана. Это — «психологическая достоверность». Считая научные положения в основном справедливыми, мы должны предположить знания о реальном мире, чтобы вера в науку была рациональной. Но каковы эти знания? Если ответ на этот вопрос будет служить адекватным основанием, то неясно почему? Г. Кайнберг описывает аналогичные постулаты, выдвинутые Дж. Уисдомом, которые формируют описание универсума, где научные выводы до сих пор оказывались достаточ-

но справедливыми. Ранее в этом плане А. С. Богомолов описывает постулаты О. Либмана. Приводятся подобные попытки отыскать фактуальные допущения, на которых основана наука у Дж. Кемени, А. Беркса. Но все эти усилия по оправданию индукции с помощью фактуальных посылок обладают неизбежными пороками. Во-первых, они не могут обеспечить основаниями для принятия фактуальных посылок, ибо истинность предлагаемых постулатов является не более чем актом веры. И во-вторых, постулаты вместе с эмпирическими данными недостаточны для получения научных выводов, так как они слишком абстрактны.

«Таким образом, все попытки представить общее вероятностное оправдание индукции при помощи эмпирической (хотя бы в некоторой степени) интерпретации вероятности окончились неудачей. Этот результат — один из самых явных провалов, которые когда-либо случались в философии», — таков вывод Кайнберга*. Рейхенбах в своеобразном эссе «Разговор между Бертраном Расселом и Давидом Юмом» (1949) представляет такую картину — тень Юма распекает Рассела за те постулаты, которые он выдвинул. Ф. Коплстон отрицает возможность научного использования принципов, поскольку они не являются вечными истинами и не выводимы из них, не могут быть доказаны и не представлены вероятными посредством эмпирических доказательств, ибо они являются теми самыми принципами, на которых лежит обоснованность таких доказательств, а пытаясь подтвердить их посредством обращения к научному выводу, мы попадаем в порочный круг. Коплстон считает, что упреки Расселу в кантианстве несостоятельны; сходство сводится к общим признаниям ограниченности и недостаточности чистого эмпиризма как теории познания. По его мнению, Рассел продолжает отстаивать биопсихологический источник постулатов, возрождая теорию «естественной веры» Юма, и фактически не выполняет программу теоретического оправдания ненаглядного вывода.

В советской литературе А. Ф. Бегиашвили, А. С. Богомоловым, А. И. Корнеевой, Г. А. Курсановым, И. С. Нарским было отмечено, что при всей половинчатости, противоречивости, по своему содержанию и направленности Расселовы постулаты означали признание краха позитивистских мечтаний, отрицание основных позитивистских идей и принципов. Крайний скептицизм Рассела нивелируется лишь признанием «постулатов научного вывода», составляющих рабочие принципы науки. Философ был вынужден под влиянием реального содержания научного познания мира сформулировать принципы, хотя и не новые, но необходимые для научных исследований.

---

* *Кайнберг Г.* Вероятность и индуктивная логика. М., 1978. С. 190.

Они — обобщение и выяснение той вненаучной «метафизики здравого смысла», на которую опирается человек в своей деятельности. Это — попытка решить в скептическом духе извечную философскую проблему происхождения всеобщего и достоверного научного знания. В постулатах Рассел отдает дань «реалистической» традиции, оправдывающей выведение законов из совокупности опытных данных признанием объективного существования предметов, объективных свойств и отношений вещей, независимости «физического мира» от нашего сознания и факта приспособления живых организмов к окружающей среде, выступающего фактором уточнения знания. Все постулаты направлены на познание внутренних причинных связей вещей, а пространственно-временные отношения рассматриваются на основе наличия этих связей.

Вывод один: Рассел отказывается от своих гносеологических принципов, которые он отстаивал, ибо феноменологическому принципу описания внешних признаков «являющихся» предметов он завуалированно противопоставляет познание внутренних причинных связей вещей, что является признанием одной из главных определяющих линий развития научного познания мира. Он фактически отверг не только принципы позитивизма, пришедшие в противоречие с реальным процессом познания мира, но и принципы своего собственного философствования. При объяснении происхождения постулатов, даже в рамках субъективного идеализма и некоторого упрощенного рассмотрения проблем науки, Рассел, как отмечает А. Ф. Бегиашвили, приближается к материалистической теории познания. Особенно это видно в его рассуждениях об одинаковой повторяемости наших восприятий, зависимых от повторяемости явлений внешнего мира, которые и ведут к формированию определенных принципов. Ясно, что Рассел рассматривает их в отрыве от истории и развития, чему способствует двусмысленность и противоречивость субъективно-идеалистического понимания «опыта», которое используется для замещения понятий источника и основы познания, а также и критерия истины. Рассел вместе с неопозитивистами пытался термином «опыт» прикрыть как материалистическую, так и идеалистическую линию в философии, «освящая их и спутывая». Используя достоверные начала познания в качестве реальных предпосылок, на которые опирается научное познание, он превращает философию в некий придаток естественных наук. Можно отметить здесь и известную его уступку априоризму, которого он так опасался в «Принципах математики». М. А. Киссель отмечает, что Рассел фактически примыкает «к кантианскому решению проблем индукции, с той только разницей, что интерпретирует кантианское a priori в духе формалистских систем математики

и математического естествознания»[*]. Попытавшись найти принципы, данные до опыта, помогающие нам составить научную картину мира, и придавая своим постулатом «привкус эмпиризма», он выработал, по заявлению А. Квинтона, «эмпирический априоризм», или «смягченную кантианскую» точку зрения. Однако с такими оценками согласны не многие.

По-видимому, выводы об априоризме позднего Рассела несколько преувеличены, поскольку его постулаты не являются априорно неизменными истинами. Априоризму противоречил и его отказ от идеи установления корреляции между чувственными данными и объектами физики при помощи априорных принципов, ибо при подобном характере решения физика теряла значение эмпирической науки. Эмпирико-реалистическая платформа позволяет ему выражать физические объекты, «вещи» обыденного сознания (здравого смысла) в терминах чувственных данных, что многими признавалось излишним. Анализ же проблем индукции «наталкивает нас на фундаментальную слабость позитивистской философии науки: дуализм формально-математического, логического элемента и эмпирического содержания». Явное проникновение в недемонстративный и фактуальный характер заключений индуктивных выводов с целью оправдать их приводит Рассела к признанию *необходимости* существования в мире законов. Действие этих законов и гарантирует истинность индуктивной экстраполяции «привычек природы». Следовательно, заключения из опыта делаются не в силу привычки собственной и природной, а в силу «целесообразности» существования в природе объективных законов. Расселовы постулаты на деле предполагают убеждение человека в существовании мира и его закономерностей. В этом факте проявился не только крах околопозитивистских иллюзий и взглядов Рассела, но и решающее влияние подлинно научных достижений современного познания, прежде всего физики, астрономии, математики, логики и методологии науки, проблемами которых английский мыслитель занимался многие годы.

Резюмируя оценку постулатов, отметим, что субъективный идеализм и агностицизм восторжествовали, но ценой уступки материализму — «наивному реализму», обыденному здравому смыслу. Как это ни парадоксально, отмечает М. А. Киссель, но «агностические сомнения в адекватности нашего познания — это “плата” метафизического мышления за допущение реального существования объектов познания независимо от какой-бы то ни было деятельности познающего ума»[**]. В данном случае на практике проявляется

[*] *Киссель М. А.* Идеализм против науки. Л., 1969. С. 105.

[**] Там же. С. 120.

половинчатость философии реализма. Придавая огромное значение вере, убеждению, образующим исходный материал познания, Рассел, провозгласив общность структуры восприятий человека и событий реального мира, утверждает существование «отношения соответствия» между ними, благодаря чему мы познаем мир.

Со своей стороны, мы хотели бы подчеркнуть реалистическую сторону философского развития Рассела, выраженную в его постулатах. Крах биологически-психологического подхода к познанию старого позитивизма наложил определенный отпечаток на всю манеру философствования Рассела. Применение логического анализа в гносеологических построениях привела его к позиции неореализма, сглаживающего многие «острые углы» как эмпиризма, так и рационализма. Теория познания Рассела — это неореалистическая интерпретация англо-саксонского натурализма, соединение разумного скептицизма с агностицизмом, феноменализма с логистикой. Однако нельзя забывать традиционный эмпиризм Рассела. «Если рационалисты не видели за абстракциями твердой почвы эмпирических фактов, то эмпирики загромождали себе горами фактов путь к теоретическим обобщениям. *Эмпиризм — это разум на коленях.* Встать в полный рост, исходя из знания эмпирии, фактов, возвыситься до необходимости целостного теоретического понимания природы, общества и мышления, их законов — на это не мог отважиться никто даже из выдающихся эмпириков»[*]. Рассел как «умеренный эмпирик» решает целый ряд проблем, отходя от эмпиризма, неоднократно заявляя об ограниченности его чистого вида. Торжествует *гносеологический скептицизм*: агностическое сомнение в адекватности нашего познания сочетается с допущением существования объектов познания, независимых от познавательной активности субъекта. Рассел возвращается на позиции «науки о человеческой природе» Юма и Локка с их атомистической концепцией психического, количественного различия между феноменами сознания. Однако реалистическая основа этих рассуждений остается, поскольку она совместима с Юмовым допущением существования внешнего мира, которое основывается на *внетеоретической вере* в его бытие. Рассел «стыдливой манерой, тайком» протаскивает материализм, «публично отрекаясь от него». В онтологии он явно или скрытно придерживается неореалистического деления форм объективного существования: пространственно-временного, свойственного психическим и физическим явлениям, и идеального, присущего общим понятиям и математическим объектам. «Эпистемологический монизм» скрытно дополняется

[*] *Заиченко Г. А.* К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков, 1971. С. 158.

онтологическим плюрализмом, который обосновывается «теорией внешних отношений», формулирующей идею независимости вещи от тех отношений, в которые она вступает с другими вещами. Рассел склоняется к своеобразному *онтологическому плюрализму*: различные ряды вещей, выявляемые критерием как существующие, относятся к различным онтологиям. Среди них можно указать онтологии обыденных (физических) объектов, событий, предложений, чисел, свойств, множеств универсалий, логических конструкций и т. д. В «Человеческом познании» он противопоставляет мир вещей и мир идей, ибо последний якобы «создается» в процессе деятельности познающего субъекта как «конструкция отчасти научная, отчасти же донаучная». В решении отдельных проблем «нейтральный монизм» Рассела сочетается с элементами «критического реализма». Реалистическую тенденцию его гносеологии отмечает и Э. Имз.

В. И. Ленин так писал о физиках, рассуждающих с точки зрения «здравого смысла»: «Отрицая неизменность известных до сих пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира <...> Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием»[*]. Как первое, так и второе может быть, правда с некоторыми оговорками, отнесено и к Расселу. Его субъективистский вариант метафизического способа мышления не может нас удовлетворить, как и субъективистско-логическое игнорирование диалектики и принципов историзма при анализе внешнего мира и человеческого познания. Главное заключается в том, что все рациональные моменты рассуждений Рассела оказались подчинены субъективно-идеалистическому мировоззрению, что и определяет мировоззренческую суть его философии. При этом отчетливо видна сознательная установка на *релятивистскую гносеологию* как единственную возможность в современных условиях развития науки удержаться на позициях реконструированного идеализма. Характерно, что в его работах ясно прослеживается стремление не только обновить идеализм и эволюционизм, но и по-своему справиться с решением важных проблем развития научного познания. Прежде всего его интересует процесс развития математизации науки, проникновение ее во все области знания. Как ученый-энциклопедист он подходит к вопросам необходимости использования различных форм символики в научном познании, математической логике и ки-

[*] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 18. М., 1968. С. 277.

бернетической технике как весьма важных средств усиления познавательных методов, ведущих к плодотворным результатам. Но это позитивное в философии Рассела *антидиалектично* по своей сути. Метафизический подход к вопросу о связях философии с условиями социальной жизни, к вопросу о роли и значении философии у Рассела проявляется в чисто *созерцательной* оценке философского познания, согласно которой задачей философии является только объяснение мира, но отнюдь не решение вопроса о его переустройстве.